

СОДЕРЖАНИЕ

В Бретани. <i>Перевод. Н. Соколовой</i>	3
Усталость. <i>Перевод. Г. Рачинского</i>	26
Итальянское побережье. <i>Перевод. Г. Рачинского.</i>	33
Сицилия. <i>Перевод. Г. Рачинского</i>	55
Под солнцем. <i>Перевод Н. Соколовой</i>	114
Море. <i>Перевод Н. Соколовой</i>	118
Город Алжир. <i>Перевод. Н. Соколовой</i>	121
Провинция Оран. <i>Перевод. Н. Соколовой.</i>	126
Бу-Амама. <i>Перевод. Н. Соколовой</i>	139
Провинция Алжир. <i>Перевод. Н. Соколовой</i>	149
Зар'эш. <i>Перевод. Н. Соколовой</i>	172
Из Кабилии в Бужи. <i>Перевод. Н. Соколовой</i>	227
Константина. <i>Перевод. Н. Соколовой</i>	249
От Алжира до Туниса. <i>Перевод. Г. Рачинского.</i> ..	253
Тунис. <i>Перевод. Г. Рачинского</i>	263
На пути в Кайруан. <i>Перевод. Г. Рачинского</i>	286
На водах. <i>Перевод. Н. Соколовой</i>	337

В БРЕТАНИ

Июль 1882 года

Вот и пора путешествий, пора ясных дней, когда влечет к новым горизонтам, к широким просторам синего моря, где отдыхает глаз, где успокаивается мысль; к лесистым и свежим долинам, где часто чувствуешь себя растроганным неведомо чем, сидя под вечереющим небом у дороги, на бархатно-зеленом откосе и глядя на отражения заходящего солнца в лужице бурой стоячей воды у самых твоих ног, в колее, вдавленной колесами двуколок.

Я люблю до безумия эти странствия по свету, который как бы заново открываешь, удивляясь нравам, о которых и не подозревал, люблю свою пробудившуюся жадную любознательность, новые виды, радующие глаз, неослабную работу мысли!

Только одно портит мне прелесть исследования незнакомых мест — это чтение путеводителей. Написанные коммивояжерами сих дел, полные пошлых и всегда лживых описаний, неизменно ошибочных справок, чистейшего вымысла в указаниях дороги, все они за исключением одного превосходного немецкого путеводителя могут еще, пожалуй, служить утехой лавочникам, предпринимающим увесели-

4 тельные железнодорожные поездки и знакомящимся со страной по Жоанну*, но приводят в отчаяние настоящих туристов, шагающих с мешком на спине и палкой в руке по тропинкам, по оврагам и по берегу моря.

Путеводители лгут, ничего не знают, ничего не понимают и уродуют своей напыщенной и дурацкой прозой самые живописные местности; они осведомлены только о главных проезжих дорогах и, право, стоят так называемых карт генерального штаба, на которых до сих пор не помечены плотины Сены, сооруженные вот уже почти тридцать лет.

А между тем как приятно во время путешествия познакомиться заранее с той местностью, куда направляешься! Какое удовольствие найти книгу, где какой-нибудь скиталец набросал свои мимолетные впечатления! Это только введение, оно лишь подготавливает вас к знакомству со страной. Но иногда это нечто большее. Когда, путешествуя по Алжиру, углубляешься до оазиса Лагуат, надо ежедневно, ежечасно читать чудесную книгу Фромантена «Лето в Сахаре». Она открывает вам глаза, пробуждает мысль, как бы еще ярче освещает эти равнины, эти горы, эти огненные безлюдные пространства, показывает вам самую душу пустыни.

Во Франции повсюду найдутся уголки, почти неизвестные и очаровательные. Не притязая на составление нового путеводителя, я хотел бы только время от времени рассказывать о некоторых коротких экс-

* Жоанн Лоран Адольф (1813–1881) — французский географ, писатель и путешественник, издатель географической литературы и путеводителей. — *Здесь и далее примеч. пер.*

курсиях, о путешествиях в течение десяти-пятнадцати дней, постоянно совершаемых любителями, но совсем неведомых домоседам.

Никогда не следовать по большим дорогам, а всегда лишь по тропинкам, ночевать в ригах, если вблизи нет гостиницы, питаться хлебом и водой, когда негде найти другой пищи, не бояться ни дождя, ни расстояния, ни долгих часов непрерывной ходьбы — вот что нужно, чтобы познакомиться со страной, проникнуть в самое ее сердце, чтобы обнаружить уже неподалеку от городов, так хорошо знакомых туристам, тысячу вещей, о которых раньше и не подозревал.

Среди старых провинций Франции одна из самых любопытных — это Бретань. Достаточно десяти дней, чтобы ознакомиться с ней, чтобы изучить ее характер; ведь у каждой страны, как и у каждого человека, есть свой собственный характер.

Бросим на нее беглый взгляд. Пройдем хотя бы только из Ванна до Дуарненеза вдоль берега, настоящего бретонского берега, пустынного и плоского, усеянного рифами, где постоянно рокочут волны, точно отвечая на свист ветра в ланде.

Морбиан — нечто вроде внутреннего моря, поднимающегося и опускающегося под действием приливов и отливов в океане, — простирается перед ваннской пристанью. Его надо пересечь, чтобы выйти в открытое море.

На нем множество островов, друидических островов, таинственных, словно посещаемых привидениями. На этих островах могильные насыпи, менгиры и дольмены, все те странные камни, которым

6 поклонялись некогда почти как богам. По словам бретонцев, этих островков столько, сколько дней в году. Морбиан — море, полное символов и суеверий.

И в этом — главное очарование страны: она родина легенд. Старые верования, уже умершие повсюду, продолжают корениться в ее гранитной почве. Старинные сказания тоже сохранились здесь в полной неприкосновенности, и какой-нибудь крестьянин так расскажет вам о событиях, происшедших пятнадцать веков назад, будто они совершились вчера, будто его отец или дед были их очевидцами.

Бывают подземелья, где тело мертвеца сохраняется нетронутым, в том виде, в каком его сковала смерть, и только высыхает оттого, что кровь осталась в жилах. Так и воспоминания вечно живут в этом уголке Франции — воспоминания и даже образ мыслей предков.

Я вышел из Ванна в самый день прибытия туда, чтобы осмотреть исторический замок Сюсиньо, а от туда отправиться в Локмарьякер, потом в Карнак и дальше по берегу, в Пон-л'Аббе, Пенмар, на мыс Ра и в Дуарненез.

Дорога шла сначала вдоль Морбиана, потом по бесконечной ланде, изрезанной канавами с водой, без единого дома, без единого деревца, без единого живого существа, сплошь заросшей утесником, который со свистом качался от яростного ветра, гнавшего по небу обрывки как бы стонущих туч.

Потом я прошел через маленькую деревушку, где бродили босиком три грязных крестьянина и де-

вушка лет двадцати с черными от навоза ногами, а дальше — опять ланда, пустынная, голая, болотистая; она тянулась до самого океана, серая полоса которого уходила за горизонт, сверкая кое-где барашками пены.

Посреди этих диких просторов возвышались развалины: квадратный замок с башнями по бокам, одинокий между двумя пустынями — морем и ландой.

Старый замок Сюсиньо, построенный в тринадцатом веке, знаменит. Здесь родился великий коннетабль де Ришмон, который отвоевал Францию у англичан.

Ворот уже нет. Я вошел на широкий пустой двор, где лежат кучи камня от рухнувших башенок. И, поднимаясь по остаткам лестниц, взбираясь по развороченным стенам, хватаясь за плющ, за гранитные, наполовину вывалившиеся глыбы, за все, что попало под руку, я добрался, наконец, до верхушки башни, откуда стал смотреть на Бретань.

Прямо против меня, за невозделанной равниной — океан, мутный, шумящий под черным небом, а всюду кругом — ланда! Далее, направо, Морбиан с его изрезанными берегами, а еще дальше едва видимая белая полоска земли — Ванн, озаренный лучом солнца, не знаю как пробравшимся между тучами. А там, совсем уж далеко, огромный мыс — Киберон!

И все такое грустное, меланхоличное, унылое. Ветер плакал, пробегая по этим мрачным пространствам; я действительно находился в стране призраков: в этих стенах среди низкорослого свистящего

8 утесника, в этих ямах со стоячей водой — я чувствовал — витали легенды.

На следующий день я прошел через Сен-Жильдас, где словно бродит тень Абеяра. В Пор-Навало матрос, перевозивший меня через пролив, рассказывал мне о своем отце-шуане, о старшем брате-шуане, о дяде-священнике, тоже шуане. Все трое погибли... Его вытянутая рука показывала на Киберон.

В Локмарьякере я вступил на родину друидов. Один бретонец показал мне стол Цезаря: гранитное чудище, поддерживаемое колоссами, — потом заговорил со мной о Цезаре, словно о каком-то старике, которого знал лично.

Продолжая свой путь вдоль берега между ландой и океаном, к вечеру с вершины кургана я увидел перед собой усеянные камнями поля Карнака.

Они казались живыми, эти выстроившиеся нескончаемыми рядами камни, то исполинские, то крошечные, четырехугольные, продолговатые, плоские, похожие на тощие или пузатые тела. Если долго на них смотреть, начинает казаться, что они шевелятся, наклоняются, живут!

Среди них можно заблудиться. Иногда эту гранитную толпу разделяет стена; обойдешь ее, а там опять те же странные фигуры, похожие то на ряды деревьев по бокам аллей, то на солдат в строю, то на страшные привидения.

Сердце начинает биться, вас охватывает волнение, вы уносите мысленно в прошлое, предаетесь суеверным настроениям.

Я стоял неподвижно, изумленный и очарованный, как вдруг меня испугал внезапный шум за спи-

ной, и я мгновенно обернулся. Старик, одетый в черное, с книгой под мышкой, поклонившись, сказал мне:

— Так вы, сударь, осматриваете наш Карнак?

Я поделился с ним своим восхищением и признался, что он напугал меня. Он продолжал:

— Здесь, сударь, самый воздух так насыщен поверьями, что все боятся сами не зная чего. Вот уж пять лет, как я произвожу раскопки под этими камнями: почти каждый из них скрывает какую-нибудь тайну, — и подчас мне думается, что у них у всех есть душа. Попадая на парижские бульвары, я посмеиваюсь над своей глупостью, но стоит мне вернуться в Карнак — и я опять верующий; я верую бессознательно, у меня нет определенной религии, но я принимаю их все.

И, ударив ногой о землю, он добавил:

— Религия владеет этой землей. Никогда не надо шутить над угасшими верованиями, ибо ничто не умирает. Мы, сударь, находимся с вами у друидов, будем же уважать их веру.

Солнце опустилось в море, но небо еще хранило красный отблеск, отливавший кровью на больших камнях вокруг нас.

Старик улыбнулся.

— Представьте себе, эти ужасные верования так сильны здесь, что у меня вот на этом самом месте было видение! Да что там — мне явился настоящий призрак! Вот здесь, на этом дольмене, однажды вечером, в этот самый час, я ясно увидел волшебницу Коридвен, варившую чудодейственное снадобье.

10 Я прервал его вопросом, кто такая волшебница Коридвен.

Он возмутился:

— Как, вы не знаете жены бога Гю и матери корриганов?

— Нет, признаюсь. Если это легенда, расскажите мне ее.

Я уселся рядом с ним на менгир.

Он начал:

— У бога Гю, отца друидов, была жена, волшебница Коридвен. Она родила ему троих детей: Мор-Вро, Крейз-Виу, самую прекрасную на свете девушку, и Аравик-Дю, отвратительнейшее из живых существ.

Коридвен, по материнской любви своей, захотела хоть чем-нибудь одарить этого безобразного сына и решила напоить его зельем, от которого он получит дар прорицания.

Снадобье должно было вариться целый год. Волшебница поручила охрану сосуда с напитком слепому по имени Морда и карлику Гвиу.

Когда год подходил к концу, у сторожей ослабело усердие, немного драгоценной влаги пролилось, и три капли упало на палец карлика, который, поднеся его к губам, тут же получил дар провидения. Сосуд тотчас сам собой разбился, а появившаяся Коридвен бросилась на Гвиу, но тот пустился бежать.

Погоня уже настигала его, и, чтобы бежать быстрее, он обернулся зайцем, но волшебница тотчас превратилась в гончую собаку и понеслась за ним. Она чуть не схватила его на берегу реки, но, обернувшись рыбой, он нырнул в воду. Тогда появилась гро-

мадная выдра, которая совсем было нагнала 11
его, так что ему удалось спастись, только
превратясь в птицу. Но вот с высоты небес ринулся
большой ястреб, раскинул крылья, раскрыл клюв:
это была все та же Коридвен, и Гвиу, содрогаясь от
страха, упал хлебным зернышком на кучу пшеницы.

Тогда прибежала большая черная курица и про-
глотила его. Отомщенная Коридвен отдыхала, когда
вдруг почувствовала, что будет снова матерью.

Хлебное зерно проросло в ней, и родился ре-
бенок, которого Гю пустил по воде в камышовой
люльке. Но ребенок, спасенный сыном короля, Гу-
идно, стал гением, духом ланды, корриганом. Таким
образом, все маленькие сказочные существа, кар-
лики, блуждающие духи, которые, водятся в этих
камнях, произошли от Коридвен. Говорят, что они
живут под землей, в ямках, и по вечерам выходят по-
бегать в утеснике. Посидите здесь подольше, сударь,
среди этих зачарованных памятников, всмотритесь
попристальней в какой-нибудь лежащий на земле
дольмен, и скоро вы услышите шорох, увидите, как
шевелится камень, и задрожите от страха, разглядев
лицо корригана, который смотрит на вас из-под гра-
нитной глыбы, приподняв ее головой. А теперь пой-
демте обедать.

Наступила ночь, безлунная, совершенно черная,
наполненная шумом ветра. Протянув руки, я шел
ощупью, натываясь на высокие камни; выслушан-
ный рассказ, эта местность, мои мысли — все при-
няло такую сверхъестественную окраску, что я со-
всем бы не удивился, если бы вдруг какой-нибудь
корриган прошмыгнул у меня под ногами.

12 На другой день я возобновил свой путь через ланды, деревушки и города — Лориен, Кемперле, такой красивый на фоне долины, и Кемпер!

От Кемпера большая дорога идет берегом, пересекает долины, проходит мимо угрюмого, заросшего травой озера и приводит, наконец, в Пон-л'Аббе, маленький городок, самый что ни на есть бретонский среди всей этой старозаветнобретонской Бретани, которая тянется от Морбиана до мыса Ра.

При входе в город стоит старинный замок с башнями, купающий подножие своих стен в унылом-унылом пруду, над которым летают дикие птицы. Здесь берет начало река, по которой мелкие суденышки могут подниматься до города. По узким улицам с вековыми домами проходят мужчины в громадных широкополых шляпах, в роскошно расшитых жилетах и в четырех куртках, надетых одна на другую: верхняя, величиной с ладонь, едва закрывает лопатки, а нижняя спускается чуть ли не до колен.

У девушек, рослых, красивых, свежих, суконный лиф стягивает стан наподобие лат и так уродует грудь, что и не догадываешься о пышных формах бретонок. На головах у них чрезвычайно странные уборы. Две расшитые пестрые розетки на висках обрамляют лицо и придерживают волосы, которые спущены вниз, а потом подобраны на макушке под своеобразный чепец, нередко затканый золотом и серебром.

Дорога снова выходит из этого маленького, позабытого здесь средневекового городка. Она идет

через ланду, кое-где поросшую утесником. **13**

Там и сям пасутся у дороги три-четыре коровы, всегда вместе с бараном. Вот уже несколько дней вы спрашиваете себя, почему коров непременно сопровождает баран. Этот вопрос надоедливо встает перед вами, донимает вас, становится навязчивой мыслью. Вы ищете человека, который мог бы дать объяснение. Найти его непросто, так как случается, что, бродя целую неделю по деревням, вы не встретите никого, кто знал бы хоть слово по-французски. Наконец какой-нибудь кюре, идущий размеренным шагом с трезником в руках, вежливо объяснит вам, что этот баран является долей, предназначенной для волка.

Баран стоит меньше коровы, а так как схватить его можно, не подвергаясь опасности, волк всегда его и предпочитает. Но часто случается, что храбрые коровы образуют каре вокруг своего невинного товарища и принимают на острые рога воющего зверя, пожелавшего отведать свежатины.

Волк! Здесь вы услышите и о том легендарном волке, которым нас всех пугали в детстве: о белом волке, большом белом волке, которого видел каждый охотник, но никто никогда не убивал.

По утрам его не встречают. Он появляется зимой около пяти часов, на закате солнца, бежит по оголенной вершине холма, скользит длинной тенью на фоне неба и исчезает.

Почему никто не убил его до сих пор? А вот почему. Впрочем, это только догадка. Плотные охотничьи завтраки начинаются около часу дня и кончаются в четыре. Пьют много, толкуют о белом волке.

14 Не мудрено, что, выйдя из-за стола, охотники его нередко видят. И удивительно ли, что его не убивают?

Я шел все вперед по серой, окованной гранитом дороге, блестящей под лучами солнца. По обеим сторонам плоская, кое-где поросшая утесником равнина. При взгляде на большие повалившиеся камни в памяти оживает воспоминание о друидах, а ветер, дующий понизу, свистит в колючем кустарнике. Иногда земля вздрагивает от глухого шума, как бы от далекого пушечного выстрела; это значит, что я уже близко от Пенмара, где море плещется в гулких пещерах. Обрушиваясь в эти провалы, волны сотрясают весь берег, и в бурную погоду грохот их слышен даже в Кемпере.

Давно уже стала видна широкая полоса серых волн, которые словно высятся над этой низкой и голой местностью. Скалы, груды подводных острых камней, разбивая волны, повсюду высовывают из воды свои черные головы, окруженные кольцом пены и как будто истекающие слюной, а дальше, у самой воды, несколько продрогших домиков стараются укрыться за небольшими кучами камней от вечного урагана водных просторов и от соленых брызг океана.

Высокий маяк, вздрагивающий на своем скалистом подножии, врезывается в самые волны, и сторожа рассказывают, что иногда, в беспокойные ночи, его высокий гранитный столб качает, как корабль, башенные часы плашмя летят на землю, и все висящие на стенах предметы срываются, падают и разбиваются.

От маяка до Конкета тянется полоса кораблекрушений. Здесь, точно в засаде, притаилась смерть, ужасная морская смерть, Утопительница. Ни один берег не представляет большей опасности, не внушает больших страхов, не пожирает столько человеческих жизней.

В низеньких рыбацких домиках, в грязи, вместе со свиньями, ютятся старуха мать, взрослые дочери с голыми и грязными ногами и сыновья, из которых старшему не более тридцати. Почти никогда вы не увидите здесь отца, редко — старшего сына. Не спрашивайте, где они, так как старуха протянет руку к бушующему, вздувшемуся морю, точно всегда готовому обрушиться на этот берег.

Не только коварное море пожирает здесь людей. У него есть всемогущий, еще более коварный союзник, который помогает ему каждую ночь в прожорливых поисках человеческого мяса, — алкоголь. Рыбаки знают это, сознаются в этом. «Когда бутылка полна, — говорят они, — видны подводные камни, но когда бутылка опустеет, их больше не видать».

Берег Пенмара страшен. Сюда-то, должно быть, морские разбойники и заманивали сбившиеся с пути корабли: надев корове путы, чтобы хромала, они прикрепляли к ее рогам фонарь, внушавший обманчивую мысль, будто с этой стороны идет какой-то другой корабль.

А вот, немного правее, скала, получившая известность после ужасающей драмы. Жена одного из последних префектов Морбиана сидела на этом камне, держа на коленях маленькую дочку. Море, в не-

16 скольких метрах у ее ног, казалось спокойным, безобидным, спящим.

Вдруг одна из тех странных волн, которые носят название одиночных, поднялась из глубины, бесшумно подкралась, вздулась хребтом, вползла на утес и, как коварный злодей, унесла обеих, поглотив в одно мгновение. Таможники, проходившие вдалеке, видели только розовый зонтик, мирно плывущий по морю, уже утихшему, да высокую голую скалу, по которой струилась вода.

В течение года врачи и адвокаты спорили, доказывали, препирались, чтобы определить, кто из двух, мать или ребенок, унесенные волной, умер раньше. Топили кошек с котятами, сук со щенками, крольчих с крольчатами, чтоб устранить всякое сомнение, ибо от этого зависел вопрос о крупном наследстве. Состояние должно было перейти к той или другой семье в зависимости от того, в маленьком тельце или в теле взрослой женщины предсмертные судороги кончились позднее.

Почти против этого рокового места стоит гранитный холм с крестом, распятие, какие встретишь на каждом шагу в этом благочестивом крае, где кресты, очень древние, так же многочисленны, как еще более древние дольмены. Но это распятие возвышается над удивительным барельефом, изображающим в грубом и смешном виде разрешение Девы Марии от бремени. Один приезжий англичанин пришел в восторг от столь наивной скульптуры и велел установить над памятником навес, чтобы предохранить его от непогоды в этом суровом климате.